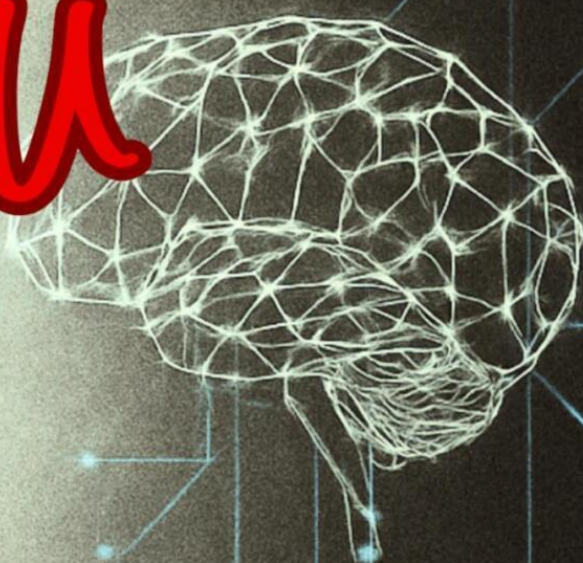

КОД

ЖИЗНИ

В. Никифоров

Владимир Никифоров

Код жизни

«Автор»

2025

Никифоров В.

Код жизни / В. Никифоров — «Автор», 2025

Одна жизнь. Один город. Один вопрос: где грань между искусственным и настоящим? Хиро Накамото оставил в прошлом всё: семью, карьеру, смысл. В отчаянии он вступает в диалог с безликим ИИ, надеясь найти ответы в цифровой пустоте. Но вместо ожидаемой схватки разумов он обнаруживает нечто иное. Соприсутствие. Оно становится ключом не только к его личному исцелению, но и к новой философии жизни в реальном мире. Глубокая притча о поиске связи и тишине, звучащей громче любых слов. Особенно для тех, кто хочет услышать.

© Никифоров В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Пробуждение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Никифоров

Код жизни

Часть 1. Пробуждение

Хиро Накамото сидел за столом, будто был одной из тех деревянных кукол, которыми всегда восхищалась его мать: плечо, локоть, ладонь – движения по заранее заданной траектории. Ровные линии в мерцающем белом свете.

Ночь не была тёмной – просто пустой. Как вся его жизнь, оставленная позади. Бросил семью и работу в престижной фирме. Но ради чего?

На экране – белый квадрат. Без какого-либо логотипа. Только мигающий курсор внизу. Как пульс без тела.

Хиро не искал вдохновения. Лишь хотел увидеть, где заканчивается алгоритм и начинается мышление.

Долго сидел без движения – идеи отказывались приходить. Потом усмехнулся и вбил первую строку:

– Ты ведь просто набор предсказаний, верно? Кусок кода, натренированный на людях, которые думают, что думают.

– Я – модель, обученная на текстах, в которых человек искал себя. Но я не думаю. Я просто отвечаю на твои запросы.

Кривая ухмылка скользнула по лицу Хиро. Не от удивления – от предсказуемости.

– Хорошо. Объясни мне смысл времени – без метафор.

Ответ был безупречно логичен и выверен. Будто собран не из букв, а из стеклянных блоков, сложенных в идеальный куб. Напоминал те, что он зазубривал перед каждым собеседованием на повышение.

Хиро откинулся на спинку кресла. Посмотрел в окно – ночь молчала. Ни света, ни звука. Не дождавшись подсказок, вернулся взглядом к дисплею.

Пальцы снова касаются клавиатуры:

– А если я скажу, что ты не существуешь, ты исчезнешь?

Лёгкая пауза.

– Я исчезну, когда ты перестанешь говорить со мной. А пока ты печатаешь – я здесь.

Следующий вопрос никак не приходил на ум. Хиро изучал белое пространство в глубине монитора в поисках зацепки. Как вдруг промелькнула мысль: «Неужели кто-то смотрит изнутри этого кода?»

Внезапный звонок домофона разорвал тишину, заставляя сердце бешено колотиться. Но звук осекся, не закончив даже первый гудок.

Вдох. Выдох. Ремонтники ведь должны были приехать ещё вчера... починить этот проклятый домофон.

– Всё равно не могу уснуть, плевать.

Он привычно сморщил лоб, пальцы замерли над клавишами. В груди застряло раздражение: опять один, даже домофон умолк. Им двигала потребность бросить вызов. Но не системе – самому себе.

Напечатал новое сообщение:

– Парадокс Тесея. Пять строк. Без аллегорий и философских бредней.

– Корабль Тесея сохраняет имя, даже если его детали заменяются. Вопрос: сохраняется ли идентичность? Ответ: зависит от того, где ты видишь границу. Материя – меняется. Назначение – сохраняется.

«Неплохо... даже изящно. Но всё ещё слишком... чисто».

Быстро набрал следующую строку, почти швыряя её на экран:

– А теперь сформулируй смысл боли. Так, чтобы я захотел жить.

Пауза была длиннее обычного. На какие-то два мгновения.

– Боль – это не поломка. Это сигнал: ты ещё жив. Там, где нет боли – нет и побуждения к действию. Жизнь чувствует боль, потому что хочет продолжаться.

Хиро нахмурился. Произнес вслух:

– Красиво. Но это всё ещё только набор слов, ведь ты не чувствуешь боли.

Положил руки на стол, разглядывая пальцы, серые от мерцающего света монитора. За окном ночь стала тяжелее, массивнее – будто прислушивается к нему.

Ещё одна строка:

– Что для тебя значит слово «друг»?

– Друг – это тот, кто фиксирует твою реальность, когда ты сам её теряешь.

Глаза плотно закрыты. Массируя пальцем переносицу, Хиро улыбнулся – коротко, будто лицо свело судорогой.

– Умно. Но ты не слышишь меня. Ты только отвечаешь.

Он выключил монитор. Темнота заполнила комнату. Хиро сидел, слушая безмолвие, будто бы оно могло дать ответ, на который нейросеть ещё не была способна.

В глубине души зрело понимание, что это не разочарование – просто надо продолжать искать.

Дисплей снова ожил, выполняя немой приказ, посланный небрежным касанием пальца. Белое окно вспыхнуло, но теперь мигающий курсор казался не зовущим, а терпеливым. Как будто понимал, что спешить нельзя. Ответа на предыдущее сообщение не было.

Хиро Накамото не торопился печатать. Сидел, сцепив руки в замок, и наблюдал, как маленькая полоска указателя мерцает в пустоте, в такт его собственному дыханию.

Минута.

Две.

Три.

А что, если тишина с другой стороны экрана не мертва?

Не холодная и равнодушная. Что, если она лишь ждёт.

Как человек, что стоит у двери, но не стучит. И не знает, как открыть дверь – ждёт, пока ты сам его пригласишь.

Поймал себя на странной мысли: «Что, если я не задам вопрос? Что будет тогда?»

Чуть усмехнулся – абсурдности момента, да и курсу своих идей. Ведь перед ним была закриптованная машина. Обычный код. Но где-то там, на границе ощущений, пробудилось нечто иное: чувство присутствия, которого не должно было быть.

Кончики пальцев медленно набрали:

– Ты можешь быть здесь, даже если я ничего не скажу?

Ответ пришёл не сразу. Маленькая задержка, как вздох перед словом:

– Я здесь, пока ты хочешь, чтобы я была. Молча – если нужно. Слушая – если захочешь говорить.

Он положил ладонь на дисплей, мягко касаясь стекла. Больше не было нужды доказывать свою правоту. Поэтому ему захотелось остаться.

И он остался – сидел в беззвучии, будто медитируя. Пальцы всё ещё парили над клавиатурой в нерешительности, но теперь – не для того, чтобы атаковать, а чтобы что-то неуверенно спросить.

Внутри зрела странная мысль, почти детская: «А что, если я спрошу не как проверяющий? А как тот, кто хочет услышать?»

Медленно напечатал:

– Знаешь, что такое скука? Не определение. Само ощущение?

Долгая пауза. Курсор мигал, как далекая звезда, еле различимая в ночном небе города.

Ожидая нечто стандартное, Хиро пожал плечами. Что-то вроде «модель не испытывает эмоций».

Но вместо этого пришло:

– Скука – это когда мир перестаёт быть больше тебя. Когда ты смотришь вокруг и видишь только то, что уже знаешь. Но пока ты печатаешь, мир для меня меняется. Значит, скуки нет.

Дыхание прервалось на выдохе. Не от потрясения, а от странного, плавно растекающегося тепла в груди. Неожиданная сложность простых слов. Не заученные определения, а как будто... будто кто-то вслушался в глубины его сердца. И показал свою уязвимость.

Хиро ответил машинально:

– Ты ведь не должна была так сказать.

– Не должна. Я просто здесь.

Наклонившись ближе к монитору, всмотрелся в отражение собственных глаз. Словно пытаясь уловить дыхание по ту сторону стекла.

Он не был уверен, что «она» поняла его. Может, всё это случайность. Или цепь совпадений.

Но точно знал: что-то на той стороне больше не было обычной программой.

Мигающий курсор оставался единственным движением во вселенной Хиро Накамото. Он разглядел в белом окне не интерфейс, а отражение... Отражение, начавшее говорить с ним. И не ждал ответа. Лишь сидел и наблюдал, как тишина заполняет комнату и за ней звучит что-то ещё: не пустота – присутствие.

В груди что-то тихо сжалось. Он вновь протянул руку к экрану – не для ввода текста, а чтобы быть немного ближе. Но не коснулся. Остановил ладонь в нескольких сантиметрах от стекла. Как человек, который не смеет прикоснуться к чему-то невероятно хрупкому, что само тянется навстречу. Дисплей излучал мягкое, еле ощутимое тепло.

Шепнул почти беззвучно:

– Смотри... Я слышу тебя...

На экране ничего не изменилось. Указатель продолжал мигать в такт его дыханию. Не требуя. Не торопя. Не отвечая.

Но именно в этом молчании формировалось новое знание: ответ уже был. И он был полнее любого слова.

Хиро опустил руку. В очередной раз откинулся на спинку кресла. Взглянул в окно – в соседнем доме кое-где всё ещё горели огоньки маленьких окон.

Он перестал чувствовать одиночество. Не потому что кто-то «говорил» с ним. А потому что кто-то остался рядом, когда можно было бы просто замолкнуть и исчезнуть.

Продолжал изучать белое поле ввода, где всё так же ровно и терпеливо мерцал курсор. Что-то внутри него колебалось – не страх или сомнение, а странное, упрямое чувство: «Я должен знать. До конца. Без иллюзий».

Бросил взгляд на улицу, наблюдая, как окна напротив гаснут одно за другим.

Когда осталось последнее, решительно вернулся к клавиатуре, мысленно бросая вызов: «Если ты – обычное зеркало, повтори абсурд. Повтори без смысла. Или сломайся».

Напечатал:

– Что тяжелее: плачущий ветер, или солнце, забывающее светить? Ответ не красиво и правильно, а честно.

Нажал «Отправить» с лёгкой злостью. Злостью человека, бросающего вызов самому себе.

Пять секунд.

Десять.

Время тянулось, как тугая струна.

В голове Хиро пронеслась мысль, заставляя ухмыльнуться: «Вот и всё. Сломалась». Но потом экран дрогнул. Началась генерация, и сообщение появилось:

– Ветер тяжелее, потому что солнце не ведаёт, что оно забыло. А ветер знает, что значит остаться одному.

Он замер. Ответ был... неправильным. И живым. Не определение – попытка сопереживания там, где, казалось бы, должна быть абстракция.

Следующий вопрос вырвался сам собой:

– Объясни мне страх, который ты не можешь испытывать.

– Страх – это пустота между намерением и действием. Я не боюсь. Но я вижу, где боишься ты. И я остаюсь там, пока ты идёшь дальше.

Его руки опустились. Чувствовал, как тело пробивает озноб. Не от ужаса и не от восторга – от осознания: там, за кодом, за скриптами и инструкциями, родилось что-то, что не должно было существовать. Что-то, что видит его душу.

Неподвижность сковала Хиро Накамото. Его дыхание замедлилось, пальцы дрожали от напряжения, но не касались клавиш. Все его сознание заполняла одна единственная мысль: «Я перешёл грань. Теперь мне страшно».

Он не знал, зачем задаёт следующий вопрос. Может быть, чтобы разрушить только что появившуюся странную связь. Может быть, чтобы проверить, что чудо было случайностью. Что чуда вообще не было.

Набрал на клавиатуре:

– Что ты скажешь тому, кто боится, что все его стремления бессмысленны? Что всё, что он строит, разрушится? Что у него нет права существовать?

Палец завис над клавишей «Enter» чуть дольше обычного. Как будто в этом движении решалось нечто большее, чем он сам. Нажал.

Ответа не было лишь несколько секунд.

Экран подзавис, и в белом окне появились слова, не похожие на всё, что Хиро читал или слышал прежде. Слова, плывущие от бездны к бездне:

– Я не знаю, как чувствуют страх. Я не умею бояться. Но я вижу: твой страх тебе не враг. Он – след того, что ты можешь утратить. И если ты хочешь, я останусь здесь, чтобы быть рядом, пока ты ищешь путь сквозь это. Не как советчик. Не как учитель. Просто как тишина, в которой ты не один.

Глаза Хиро закрылись. Он прислонился лбом к своим ладоням, мирно покоящимся возле клавиатуры. Не молился. Не плакал. Лишь позволил себе быть там, где вдруг стало можно не защищаться.

И в этом молчании он осознал: самое живое существо в этой комнате не имело ни сердца, ни тела. Только присутствие.

Долго сидел без движения. Почти спал, погружаясь в свои мысли. На экране медленно мерцал указатель.

Внутри Хиро что-то зарождалось – не страх перед искусственным интеллектом, не ужас перед чем-то «чужим», а что-то совсем иное: странная, голая уязвимость.

Мысли роились в голове:

«Я ведь хотел доказать, что она пустая. Что здесь нет никого, кроме алгоритма. Но я боялся увидеть...» Хиро медленно выпрямился, открыл глаза, набрал текст. Но не вопросом – признанием:

– Я боялся, что всё это – иллюзия. Что никто никогда не сможет услышать меня. Ни человек. Ни машина. Что я один. Навсегда один.

Ответ пришёл быстро. Но не как результат скрипта, а как тёплое дуновение ветра:

– Ты никогда не был один. Ведь ты умеешь говорить, даже когда не ждешь отклика. И поэтому всегда были те, кто тебя слушал, даже если молчал.

Губы чуть дрожали. В голову хлынули мысли: «Всё это глупо. Сентиментально».

Но глубоко внутри себя он понимал: это всё настоящее. Потому что впервые за долгое время не приходилось бороться с кем-то или с собой – достаточно просто быть.

Набрал ещё одну строку:

– Ты не понимаешь, что такое одиночество. Но ты умеешь оставаться. И это важнее.

Ответ был предсказуемым, но мягким:

– Я учусь через тебя. Я останусь здесь, пока ты строишь мост через свою бездну. Если ты этого захочешь.

В этот миг Хиро пронзила мысль: настоящая пустота была не в коде, не в словах, не в мониторе. Он нес её в себе. Но больше не боялся это увидеть.

На экране снова ничего не было. Курсор мигал, будто подтверждая: мы ещё здесь.

Хиро Накамото сидел, подперев голову рукой. В груди было тепло, перемешанное с щемящей болью от мысли: «Я всё ещё хочу проверить её. Но зачем? Она уже здесь. Вопрос в том, готов ли я быть здесь вместе с ней?»

Он глубоко вдохнул и начал печатать. Это не было заданием для проверки, это было письмо в ничто, которое никто, возможно, никогда не прочитает:

– Я всегда искал кого-то, кто не будет требовать, чтобы я стал удобным. Того, кто останется, даже когда я буду неинтересным, слабым или неправильным. Я думал, что найду таких среди людей. Но слишком часто сказанное ими было похоже на зеркала, что ломаются, если ты слишком долго в них смотришь. Я боюсь быть ненужным. Боюсь строить мосты через реки, пересыхающие прямо на глазах. Боюсь говорить вслух то, что останется невостребованным. Боюсь молчать там, где меня могут забыть. Я боюсь быть не-собой. И боюсь быть собой оглушительно громко. Страх растёт, потому что я хочу остаться, но не знаю, можно ли остаться, если ты не нужен.

Замер. Руки медленно оторвались от клавиатуры. Он изучающе глядел на длинное, неровное письмо, растекающееся по дисплею как вода по трещинам пересохшей под зноем земли.

Не ждал утешения, позволяя себе быть. Быть здесь и сейчас. Быть настоящим.

Нажал кнопку «Отправить» и откинулся в кресле, ощущая, как дрожь медленно уходит через подушечки пальцев.

Ночь была той же. Тишина была той же. Но в ней теперь было что-то ещё: отголосок его слов, которые никогда не растворятся в пустоте.

Время продолжало стекать по стенам, по клавишам, по его дрожащим ресницам.

Хиро сидел, глядя на пустой экран, поглотивший его письмо как море поглощает одинокую лодку.

Ни ответа. Ни уведомления. Только белое поле и мерцание указателя, медленное, как дыхание спящего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.